

Карнавализация в лексике современного русского и китайского языков

И Лицунь, Пекинский университет (Китай, Пекин), yiliquan@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170027461-6

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена карнавализации в лексике современного русского и китайского языков. Анализ проводился на материале выборки из Национального корпуса русского языка и корпуса китайского языка, а также современных текстов СМИ в двух странах. Предметом исследования является активное употребление русских и китайских модных слов, которое рассматривается как карнавализация в современной лексике. Объектом исследования являются часто встречающиеся и экспрессивные «модные» языковые единицы. Автор подробно рассматривает следующие аспекты карнавализации в лексике современного русского и китайского языков: широкое использование заимствованных слов (анализируются как внутренние заимствования — из различных нерегламентированных сфер речевого общения — жаргон, просторечие и т. п., так и внешние — из других языков), а также игровое переосмысление слов литературного языка и создание многочисленных окказионализмов в результате языковой игры.

Особое внимание уделяется исследованию результатов карнавализации в современном русском и китайском языках. Можно сказать, что употребление модных слов может быть рискованным для создания имиджа. Результаты проведенного анализа позволяют сделать некоторые выводы: карнавализация лексики тесно связана с культурой комического; в современном языке активно употребляются модные словечки, лексический карнавал действительно становится универсальным языковым явлением, он наблюдается не только в русском, но

и в китайском языке. С одной стороны, в ходе этого карнавала носители языка используют модные слова для самовыражения, преодолевая языковую рутину и социальную замкнутость, с другой стороны — данное явление может провоцировать недопонимание и даже отчуждение между разными социальными группами. Статья может быть интересна специалистам по теоретической, прикладной и сравнительно-сопоставительной лингвистике.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лексическая карнавализация, модное слово, имидж, языковая игра, культура комического, самовыражение, китайский язык, русский язык

для цитирования: И Лицюнь. Карнавализация в лексике современного русского и китайского языков // Русская речь. 2023. № 4. С. 51–62. DOI: 10.31857/S013161170027461-6.

Issues of Modern Russian Language

Carnivalisation in the Vocabulary of Modern Russian and Chinese Languages

Yi Liqun, Peking University (China, Beijing), yiliquan@mail.ru

ABSTRACT: The article is devoted to carnivalization in the vocabulary of the modern Russian and Chinese languages. The study uses the extracts from the contexts of corpora and live media speech in China and Russia as the material. The paper scrutinizes the active use of Russian and Chinese buzzwords, which is viewed as carnivalization in modern vocabulary. The author examines in detail the following aspects of carnivalization in the lexicon of modern Russian and Chinese: widespread use of borrowed words (internal and external), semantic reinterpretation of literary words in new meanings and creation of numerous occasionalisms through language games. The article pays particular attention to the study of the results of carnivalization in modern Russian and Chinese. One can say, that the abuse of

buzzwords can also be risky for one's image. The results of the analysis allow us to draw some particular conclusions that may interest readers in our study: the carnivalization of vocabulary is closely related to the culture of comicality; in the modern language, buzzwords are rapidly activated, the lexical carnival surely becomes universal and manifests itself not only in Russian, but also in Chinese. On the one hand, the speakers, who use carnivalization, express themselves to a sufficient extent with buzzwords, overcoming banality and social isolation, on the other hand, they cause immense misunderstanding and create alienation between different social groups. The author's contribution to the study is the extraction of examples for analysis from the texts of linguistic corpora and media in Russian and Chinese. The novelty of the study lies in the fact that the article analyzes carnivalization in vocabulary for the first time, taking into account the language fashion, using examples of modern Russian and Chinese languages. The article may be interesting to specialists in theoretical, applied and comparative linguistics.

KEYWORDS: lexical carnivalization, buzzword, image, language game, comic culture, self-expression, Chinese language, Russian language

FOR CITATION: Yi Liqun. Carnivalisation in the Vocabulary of Modern Russian and Chinese Languages. *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2023. No. 4. Pp. 51–62. DOI: 10.31857/S013161170027461-6.

В последние десятилетия феномен модного слова стал объектом научного изучения в языкознании, социологии, семиотике и лингвокультурологии. Понятие моды возникло применительно к одежде и распространилось на другие сферы человеческой жизни. Обратимся к самому понятию «моды». В «Этимологическом словаре современного русского языка» толкование слова «мода» представлено как «непродолжительное господство тех или иных вкусов общества в отношении одежды, предметов быта и т. п.; всеобщее признание, внимание, известность в данное время» [Шапошников 2010: 252]. Таким образом, в лингвистике языковая мода понимается как «специфическая форма проявления языковой культуры посредством языковых привычек и вкусов, коммуникативных ценностей и тенденций, господствующих в каком-либо обществе в определенный период времени» [Ряпихова 2013: 162]. Аналогично тому, как одежда украшает человека, речь становится средством создания его

имиджа. Так, в фильме «Моя прекрасная леди» главный герой, профессор Генри Хиггинс (Рекс Харрисон), выдающийся лингвист, обучает уличную цветочницу Элизу Дулиттл (Одри Хепбёрн) говорить так чисто и грамотно, что высшее общество принимает ее как свою.

Феномен модного слова тесно связан со многими областями, в том числе с философией. Представляется важным определение тегименологии, характеризующее М. Эпштейном как «дисциплина, которая рассматривает мир тегименов — покрытий, оболочек, упаковок — в отношении того, что они скрывают собой» и видит главным интересом тегименологии «человека, как наиболее “сокровенное” существо» [Эпштейн 2003: 398]. Он считает, что «...скорлупа — тегимен ореха. Маска — тегимен лица. Одежда — тегимен тела. Тело — тегимен того, что называют душой. Тегимен — общий класс таких объектов, как покрытие, поверхность, упаковка, оболочка, обертка, одежда, футляр, чехол, декорация, маска...» [Эпштейн 2003: 397]. На основе этого рассуждения в настоящей статье как речевые маски для создания имиджа носителей языка рассматриваются модные слова — единицы, получившие большую популярность в определенный период времени. «В отличие от неологизмов, модные слова не всегда являются теми, которые появились в языке недавно и вошли в активный оборот. Стать модным может слово давно известное, но получившее необычайно широкое распространение» [Сперанская 2014: 317].

Активное использование модных слов приводит к тому, что и в китайском, и в русском языках наблюдается усиление игрового элемента в языке: живая речь мыслится как некий карнавал, где носители языка стремятся затмить своими «нарядами» друг друга. В словаре под редакцией Л. П. Крысина читаем: «КАРНАВАЛ, м. [фр. carnival < ит. carnevale < carne мясо + vale прощай: карнавал получил свое название в Италии конца XIII в., когда он официально был приурочен к празднованию масленицы, после которой начинался пост, с его запретом на мясную пищу; отсюда название]. Народное празднество с шествиями, уличными маскарадами» [Крысин 2006: 340]. Он напоминает также китайский храмовой праздник. Любопытно, что во все исторические периоды и во всех странах смысл данного праздника объединен одним: стремлением человека к веселью. Полагаем возможным перенесение этого понятия из сферы культуры в сферу языка.

Карнавализация — семиотическая теория карнавала, изложенная М. М. Бахтиным в его книге о Рабле [Бахтин 1990]. Смысл концепции Бахтина в том, что он применил понятие карнавала, ежегодного праздника перед Великим постом, ко всем явлениям культуры Нового времени» [Руднев 1999: 126]. В своей работе «Проблемы поэтики Достоевского»

М. М. Бахтин выделяет суть карнавала как «инверсию двоичных противопоставлений»: королем объявляется шут, епископом — сквернослов и богохульник, верх становится низом, голова — задом и половыми органами. По его мнению, карнавализацией считается «временное отступление от высоких и общепринятых идеалов», «карнавал — это вторая жизнь народа, организованная на начале смеха», в карнавале «оба аспекта мира — серьезный и смеховой — сосуществуют и взаимно отражают друг друга» [Бахтин 1990: 136]. В языке «неосознанное стремление к стилистическому снижению значимости слов проявилось не только в их переименовании, но и в возникновении иронического или пренебрежительного оттенка. Смеховая культура, так подробно исследованная известным литературоведом М. М. Бахтиным, проявилась теперь на языковом уровне...» [Трофимова 2001]. В настоящее время, в эпоху интернета и СМИ, происходит бурная карнавализация в современном языке, особенно в среде виртуального мира. Проявлением карнавализации в языке является феномен модного слова. Так, в противопоставление реальному миру активно используются модные слова, которые могут представлять собой единицы некодифицированных разновидностей языка (сленг, жаргоны, просторечие и т. п.) или слова в значениях, отличных от их значений в литературном языке.

В статье рассматриваются следующие аспекты карнавализации в лексике современного русского и китайского языков:

1. Широкое использование заимствований. В работе «Языковой вкус эпохи» В. Г. Костомаров пишет: «В старании показать свою широту и ученость, точнее свою приобщенность к американско-западному миру, журналисты нередко создают причудливую смесь иностранных слов, грубого просторечия и жаргона» [Костомаров 1999]. В. Г. Костомаров различает внешние заимствования — прежде всего из английского языка — и внутренние заимствования: из арго, жаргона, сленга, просторечия. Причем актуализируются как внешние, так и внутренние заимствования.

Заимствования из английского языка:

- 1) *Но некая энергия в его кино все еще имеется, но это, скорее, уже не драйв, а тяжелое похмелье после сильно затянувшегося угара* (Фильмы // Русский репортер. 2012). **Драйв** — состояние эмоционального подъема и воодушевления;
- 2) *Последний срок — по-иностранному, «дедлайн» — он трудный самый* (Вчера, сегодня... завтра? // 64 — Шахматное обозрение. 15.12.2004). **Дедлайн** — крайний срок выполнения задачи или работы, определенный момент времени, к которому должна быть достигнута цель или выполнена задача;

- 3) *Обладатель золота Олимпиады по вольной борьбе, действующий чемпион UFC в легчайшем и наилегчайшем весе, признанный мастер интернет-кринжа — Сехудо заслуживает отдельной короны за свои посты в Twitter* (Н. Костюков. Пощады не будет // lenta.ru. 19.12.2019). **Кринж** — чувство, близкое к “испанскому стыду”, когда человек испытывает неудобство и стыд за свои или чужие действия.
- 4) *Следует отметить, что лайк или репост какого-либо поста не означает полного согласия и подтверждения представленной в сообщении информации* (М. П. Сухарькова. Онлайн-активность олимпийского волонтерского движения «Сочи-2014» до и после игр // Информационное общество. 2016). **Лайк** — это кнопка для одобрения того, что человеку нравится при общении в социальных сетях;
- 5) *Потому что некоторым лузерам охота кушать трижды в день* (М. Неволошин. Уходишь — счастливо, приходишь — привет // Волга. 2016). **Лузер** — хронический неудачник.

Внутренние заимствования:

- 6) *Купят на твои бабки себе новую машину, да ещё и наварятся* (А. Геласимов. Ты можешь. 2001). **Бабки** (только мн.) — деньги, денежные средства;
- 7) — *Все то бабло, на которое миллионы счастливых еврейских семей могли бы покинуть СССР и устроиться в Израиле, — говорит Второй* (В. В. Лорченков. Копи Царя Соломона // Волга. 2011). **Бабло** — жаргонное выражение, означающее деньги;
- 8) *Как сусликов! Беспредел, в натуре! Хрена им, суконцам! — Мадера грязно выругался и упал с чурки* (Геннадий Башкуев. Маленькая война // Сибирские огни. 2013). **Беспредел** — отсутствие правил, законов, ограничивающих чей-л. произвол;
- 9) *В России уже есть такая традиция — раз в десять лет случается финансовая «жопа»* (И. Плыткевич. Как потерять свои деньги за один день. 2017). **Жопа** — (в переносном значении) очень тяжелое или безвыходное положение;
- 10) *感觉自己萌萌哒!* (Чувствую себя такой милашкой!) 萌 — от япон. «моэ» — милый, симпатичный, а 哒 — модальная частица. Выражение 萌萌哒 появилось впервые на сайте «douban», значение этого выражения относилось к какой-то персоне, которая выглядит странно. Выражение стало популярным благодаря инсталляции дворца-музея в Запретном городе в Пекине, где находился император Юнчжэн (династия Цин), который выглядел очень мило. В обиходных ситуациях, выражение используется для того, чтобы описать человека, который выглядит «ужасно мило»;

- 11) 我已经用尽了自己的洪荒之力。(Я уже истратила всю свою **первобытную силу**.) 洪荒 изначально относится к состоянию хаоса и невежества и относится к древним временам. Согласно легенде, когда мир возник, случился великий потоп, который почти уничтожил весь мир и оставил землю бесплодной. 洪荒之力 относится к природной силе, которая может разрушить мир;
- 12) 最重要的是不折腾。(Самое важное — быть **свободным от суматохи**.) Выражение 不折腾 употребил Ху Цзиньтао (председатель КНР с 2003 по 2012 год) в своей речи, посвященной юбилею Китайской коммунистической партии. И именно как цитата из этой речи оно становится модным и значимым. При этом изменяется значение: «свободный от суматохи» — это не то, что привязано к конкретной бытовой ситуации, а метонимическое обозначение определенной программы государственного строительства, о чем и говорилось в названной речи;
- 13) 真给力呀! (Действительно **клево!**) 给 — дать, 力 — сила, 给力 означает, что нечто очень хорошо, эффективно, круто или впечатляюще. Это слово может быть использовано как прилагательное или как восклицание. Сейчас это слово широко используется в китайском интернете и даже включено в «Современный словарь китайского языка». Оно также имеет английский эквивалент «gelivable», который образован от 给力 и суффикса «-able».

2. Иронически обыгрываются значения уже существующих в языке слов, в результате чего происходит расширение их сочетаемости или их семантическое переосмысление:

- 1) В фейсбуке есть даже группа «**Токсичные родители**» (Кс. Туркова. Токсичный рыбагейт и ихтамнет-2 (16.02.2018) // Сноб. 2018). **Токсичный** — вредный, неприятный в общении человек;
- 2) С нами ещё Барменков, 4 человека из класса! **Прикол!** Удачно поразвлечься! (СМС-сообщения старших школьников. 2004). **Прикол** — шутка, розыгрыш;
- 3) Дело еще в том, что я потихоньку приготовил тут себе синекуру, а должность утверждается тем самым высшим начальством. Так что, извините, господин писатель, — **облом!** (А. Кириллин. С собой не возьму // Сибирские огни. 2012). **Облом** — неудача, невезение;
- 4) Может быть, боялась, предположил я. Про наркотики — вообще **жесть**. Я закончил, сказав, что вся история кажется мне странной и что Аркадий производил на меня впечатление вполне нормального человека (А. Клепаков. Опекун // Волга. 2016). **Жесть** — о чем-то ужасном;

- 5) *А тот **хомяк**, чьи были деньги, получил сотню тонн, хотя не понимает в биржевых делах ни шиша* (О. Некрасова. Платит последний 2000). **Хомяк** — человек, который скапливает вещи или деньги, как хомяк;
- 6) *还有些网友戏称：“这是一条**有毒**的视频，已经看了好多遍。* (Некоторые пользователи сети шутили: «Это **токсичное** видео, которое было просмотрено уже много раз».) **有毒的** — содержащий яд, переносное значение — вызывающий привыкание, очень привлекательный;
- 7) *自拍**有毒**你造吗？* (Знаешь ли, селфи **токсично**?) **有毒** — вредно;
- 8) *他**蜗居**书斋。* (Он оставался в своей библиотечной **каморке**.) **蜗** — улитка, **居** — дом, **蜗居** — раковина улитки, переносное значение — каморка, тесное помещение;
- 9) *我被雷到了。* (Меня **сильно удивляет**.) **雷** — гром; поразить громом;
- 10) *他的话充满了正能量。* (Его слова дают большой **оптимистичный настрой**.) **正能量** — позитивная энергия, оптимистичный настрой.

3. В результате языковой игры могут возникать окказиональные слова¹. Некоторые окказионализмы могут стать модными, если они касаются актуальных для жизни общества тем или их употребляет в речи публичная персона.

- 1) — *Я раньше тоже в телевизор все время смотрела, — ободряет подругу бухгалтер инициативной группы Римма Шепетюк. — А теперь заявляю: это **зомбоящик**. — Согласна, — говорит Людмила* (Н. Гирич. Русский Север и мусорный Юг // Новая газета. 12.2018). **Зомбоящик** — шутовое и пренебрежительное название телевизора.
- 2) *Начальник Областного управления культуры Курганов **подхрюкивал** властям и хотел убрать с выставки оставшиеся две картины Подъяпольского, но вступился неожиданно его заместитель Кузнецов, — у Курганова челюсть отвисла! — остались картины висеть* (В. В. Лопатин. Диалоги о цвете в живописи // Волга. 2015). **Подхрюкивать** — угодливо, с каким-либо умыслом соглашаться с кем-либо, поддерживать кого-либо. Оно стало модным благодаря посланию В. Путина Федеральному собранию. Он употребил этот глагол, рассказывая о выходе США из Договора о ракетах средней и малой

¹ Как правило, **окказионализмом** называют индивидуально-авторский неологизм, созданный поэтом или писателем согласно существующим в языке словообразовательным моделям и использующийся исключительно в условиях данного контекста как лексическое средство художественной выразительности или языковой игры.

дальности и о том, как американские спутники отреагировали на обвинения России в нарушении ДРСМД.

- 3) *Именно таким живучим неологизмом можно считать сращение «ихтамнет» — существительное, составленное из трех слов* (Ксения Туркова. Токсичный рыбагейт и ихтамнет-2 (16.02.2018) // Сноб. 2018). **Ихтамнет** — россиянин, отстаивающий интересы российских властей за рубежом (как правило, насильственными способами), хотя это отрицается российскими властями.
- 4) 他又在织围脖了。(Он опять **пишет микроблог**.) Это игра слов с 微博 (микроблог), 微 и 围 звучат похоже, а 博 и 脖 имеют одинаковый тон. Таким образом, 织围脖 можно перевести как «вязать шарф», но на самом деле это значит «писать или обновлять микроблог».
- 5) 神马都是浮云。(Все **это пустяки**.) 浮云 — плывущее облако, переносное значение — пустяки, быстротечное.
- 6) **funny mud pee** — слово принадлежит к Chinglish (Chinese English — особой разновидности сленга), это ругательство — результат языковой игры, оно составлено из английских слов (но в английском языке такое их сочетание не употребляется). Произносится как 放你妈的屁 и имеет значение ‘брехать’, ‘откровенная ложь’ в китайском языке.
- 7) **awsl** (Ай, я умер/умерла!). Awsl — китайская аббревиатура пиньинь² предложения 啊, 我死了 (А, wò sǐ le). Оно употребляется как экспрессивное выражение возбуждения.

Как показывают наблюдения, в современной русской и китайской речи появилась тенденция к размыванию языковых норм. А карнавализация в лексике, в свою очередь, дает носителям языка возможность посредством «игры слов» временно освободиться от тягот иерархического мира, его строгих правил и запретов. «Здесь — на карнавальном пространстве — господствовала особая форма вольного фамильярного контакта между людьми, разделенными в обычной, то есть внекарнальной, жизни непреодолимыми барьерами сословного, имущественного, служебного, семейного и возрастного положения. На фоне исключительной иерархичности феодально-средневекового строя и крайней сословной и корпоративной разобщенности людей в условиях обычной жизни этот вольный фамильярный контакт между всеми людьми ощущался очень остро и составлял существенную часть общего карнавального мироощущения. Человек как бы перерождался для новых, чисто человеческих отношений» [Бахтин 1990: 15].

² Пиньинь — это официально принятая запись звуков китайского языка с помощью латинских букв.

Аналогично, в ходе лексического карнавала носители языка используют модные слова для самовыражения, преодолевая языковую рутину и социальную замкнутость. Кроме того, употребление модных слов помогает формированию определенного имиджа. Например, употребление модных слов «предприниматель» и «бизнесмен» для создания имиджа делового человека. «Как показывает статистический сервис НКРЯ, в последние пятнадцать лет номинации с ярко выраженной оценочностью *делец, деляга* значительно (почти в десять раз) уступают в частоте употреблений практически нейтральным *предприниматель* и *бизнесмен*... абстрактность соответствующей номинации позволяет субъекту речи повысить свой статус, подать себя в выгодном ключе, сменить “минус” на “плюс” в глазах общества» [Северская 2014: 382]. Но «само слово бизнес устроено точно таким же образом. Совершенно естественно в ответ на вопрос *Кто он?* сказать *У него свой бизнес*. Но по сути это не значит почти ничего, это просто такое определение через отрицание: не госслужащий, не наемный работник, не богема. Разброс может быть от мультимиллиардера, владельца заводов, газет, пароходов до чистильщика обуви или мелкого мошенника» [Кронгауз 2007: 33].

Однако частотность употребления модных слов может вызывать недопонимание и даже отчуждение между разными социальными слоями населения. Например, внутренние заимствования преимущественно составляют сниженные слова (вульгаризмы и сленг), их преимущественно употребляет молодежь с целью самовыражения и демонстрации чувства юмора, но в то же время это вызывает немалую тревогу у представителей старшего поколения в связи с загрязнением родного языка и снижением языковой культуры. Такой потенциальный риск также несет частотное употребление иноязычных, новообразованных слов и семантических переосмыслений.

Лексическая карнавализация дает возможность вырваться из привычных рамок, социальных условностей, в некотором смысле стереть словесные границы. Безусловно, носители языка не могут всегда жить во «втором мире». Возвращение в реальную жизнь без словесных масок нередко сопровождается трудностями психологического характера, как то тревожность и дисбаланс, поскольку приходится столкнуться с жесткостью мира. В создании имиджа человека большую роль играет его речь, модные слова также могут выполнять эту задачу, но на самом деле социальный статус человека не измеряется только речью, как совершенное произношение и акцент у Элизы Дулиттл не делает из уличной цветочницы аристократку.

В заключение отметим, что исследование карнавализации в современной лексике является актуальным и перспективным не только потому,

что сам феномен модного слова является новым и интересным материалом для языкового изучения, но и потому, что лингвистика модных слов находится на стыке философии, социологии, психологии, культурологии и других дисциплин и вносит вклад в осмысление слова в акте коммуникации, углубляет понимание культуры и мира.

Источники

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 22.05.2022).

СКСКЯ — Сбалансированный корпус современного китайского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://corpus.zhonghuayuwen.org/index.aspx> (дата обращения: 22.05.2022).

Литература

Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.

Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. СПб.: Златоуст, 1999. 320 с.

Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак: Языки славянских культур, 2007. 232 с.

Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2006. 944 с.

Руднев В. П. Словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты. М.: Аграф, 1999. 381 с.

Ряпихова М. М. Проявление языковой моды в политическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 4-1 (22). С. 162–165.

Северская О. И. Деловой человек, делец, деляга: образ бизнесмена в русском языке XX–XXI вв. // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2014. № 2. С. 369–385.

Сперанская А. Н. Эффективное речевое общение (базовые компетенции). Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. 852 с.

Трофимова Г. Н. К вопросу о специфике функционирования русского языка в Интернете (норма и узус) // DIALOGUE. 2001 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dialog-21.ru/digest/2001/articles/trofimova/> (дата обращения: 21.05.2014).

Тулчинский Г. Л., Эпштейн М. Н. Проективный философский словарь: Новые термины и понятия. СПб.: Алетейя, 2003. 512 с.

Шапошников А. К. Этимологический словарь современного русского языка. М.: Наука, 2010. 576 с.

References

- Bakhtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa* [Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1990. 543 p.
- Kostomarov V. G. *Yazykovoï vkus epohi* [Linguistic taste of the era]. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 1999. 320 p.
- Krongauz M. *Russkii yazyk na grani nervnogo sryva* [Russian language on the verge of a nervous breakdown]. Moscow, Znak, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2007. 232 p.
- Krysin L. P. [Explanatory dictionary of foreign words]. Moscow, Eksmo Publ., 2006. 944 p.
- Rudnev V. P. *Slovar' kul'tury XX veka: Klyuchevye ponyatiya i teksty* [Dictionary of culture of the XX century: Key concepts and texts]. Moscow, Agraf Publ., 1999. 381 p.
- Ryapikhova M. M. [Manifestation of language fashion in political discourse]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 4-1 (22), 2013, pp. 162–165. (In Russ.)
- Severskaya O. I. [Business man, businessman, businessman: the image of a businessman in the Russian language of the XX–XXI centuries]. *Trudy instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, no. 2, 2014, pp. 369–385. (In Russ.)
- Shaposhnikov A. K. *Etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the modern Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 2010. 576 p.
- Speranskaya A. N. *Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetencii)* [Effective verbal communication (basic competencies)]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2014. 852 p.
- Trofimova G. N. [On the issue of the specifics of the functioning of the Russian language on the Internet (norm and usage)]. *DIALOGUE*, 2001. (In Russ.) Available at: <https://www.dialog-21.ru/digest/2001/articles/trofimova/> (accessed 21.05.2014).
- Tul'chinskii G. L., Epshtein M. N. *Proektivnyi filosofskii slovar': Novye terminy i ponyatiya* [Projective philosophical dictionary: New terms and concepts]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2003. 512 p.